

О развитіи дара слова у дѣтей.

Кому приходилось въ наше время обращать вниманіе на устную и письменную рѣчь учащагося юношества обоего пола, тотъ, вѣроятно, согласится съ нами, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ рѣчь эта поражаетъ своею безцвѣтностью, вялостью и отсутствіемъ выразительности. Явленіе это, по нашему убѣжденію, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Сильно ошибается тотъ, кто не придаетъ особаго значенія развитію дара слова у дѣтей, предполагая, что достаточно упражнять только ихъ мыслительныя способности, и что сильная мысль всегда найдетъ себѣ безъ большаго затрудненія соотвѣтствующее словесное выраженіе. Положимъ, мысль—это душа рѣчи, но вѣдь и душа въ хиломъ и дрябломъ тѣлѣ не можетъ проявлять всѣхъ своихъ силъ и способностей. Мысль, воплощенная въ словѣ, становится яснѣе, осязательнѣе для самого мыслящаго, и чѣмъ полнѣе и удачнѣе выльется она въ слово, тѣмъ она сильнѣе и плодотворнѣе. Всякій пишущій могъ испытать на самомъ себѣ, какъ выраженная удачно мысль, вызывая въ душѣ удовольствіе, побуждаетъ къ дальнѣйшей мыслительной работѣ, и какъ, наоборотъ, скоро утомляется мыслительная способность, когда мысли не находятъ себѣ подходящихъ выраженій, путаются и вязнутъ въ словахъ. Однимъ словомъ, сила и плодотворность мыслительной способности въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ способности и навыка легко облекать мысли въ соотвѣтствующую имъ словесную форму.

Чѣмъ же объяснить, что у нашего учащагося юношества такъ слаба эта способность? Гдѣ искать причинъ этого явленія? Мы полагаемъ, что это происходитъ болѣе всего оттого, что и родители мало обращаютъ вниманія на развитіе дара слова у своихъ дѣтей, да и преподаваніе родного языка въ школахъ ведется обыкновенно неразумно, особенно въ младшихъ классахъ.

Обученіе родному языку въ школѣ на нашей памяти съ начала шестидесятыхъ годовъ и до послѣдняго времени пережило три періода. Первый мы позволимъ себѣ назвать временемъ эмансипаціи родного языка отъ грамматики; второй—временемъ возвращенія ея въ нѣсколько обновленномъ видѣ и водворенія въ младшихъ классахъ нагляднаго обученія, которое налегло всею своею тяжестью почему-то именно на родной языкъ, и третій періодъ, когда начинается снова тиранія грамматики съ младшихъ классовъ ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, было время, когда грамматика подвергалась гоненію, какъ наслѣдіе схо-

¹⁾ Въ настоящее время грамматика переживаетъ кризисъ: сторонники Потехина борются съ приверженцами Буслаева, и эта борьба переносится и на школьную арену, отчего, конечно, сильно страдаютъ дѣти.

ластики, наравнѣ съ риторикой и пиитикой. Это было время, когда у насъ все какъ-то встрепенулось, ожило, пыталось совлечь съ себя ветхія одежды; когда, по мѣткому выраженію одного писателя, «всякая птица въ своемъ гнѣздѣ производила реформы». Тогда находили, что русскіе люди и безъ грамматики могутъ говорить вполнѣ правильно и писать толково. Подняли даже гоненіе на букву *ѣ*, задававшую столько хлопотъ учащимся, попробовали даже вытѣснить изъ алфавита букву *з*, какъ бесполезно занимающую мѣсто, словомъ, попытались произвести въ алфавитѣ упрощенія и сокращенія, подобныя тѣмъ, какія совершались въ то время въ различныхъ департаментахъ. Впрочемъ, презрѣніе къ учебникамъ грамматики отчасти оправдывалось тѣмъ, что они представляли только сухой подборъ различныхъ формъ и явленій языка, напоминая собою ботаническіе гербаріи, не выясняли вовсе законовъ и особенностей языка и брались въ то же время научить правильно говорить и писать. Если припомнить, какъ велось преподаваніе грамматики встарину, когда заставляли наизусть заучивать сокращенные учебники Востокова и Греча, то намъ не будетъ казаться такимъ смѣшнымъ гоненіе на грамматику и сдѣлается понятнымъ, почему реакція противъ нея зашла въ крайность. Эта крайность не могла, конечно, долго удержаться, и грамматика, нѣсколько облегчившись отъ прежняго груза, налегкѣ и принарядившись, такъ сказать, въ болѣе модный костюмъ, но оставаясь въ сущности тѣмъ же самымъ, чѣмъ была прежде, получила снова право гражданства въ нашей школѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ зашло къ намъ изъ Германіи такъ называемое наглядное обученіе ¹⁾, при чемъ наши нѣмецко-русскіе педагоги стали продѣлывать съ десятилѣтними дѣтьми то, что нѣмцы примѣняютъ къ шестилѣтнимъ дѣтямъ: видно русскимъ суждено во всемъ запаздывать сравнительно съ западными сосѣдями. Но въ настоящее время мода на наглядное обученіе въ примѣненіи къ родному языку начинается, кажется, проходить, по крайней мѣрѣ, въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ. Зато грамматика все болѣе и болѣе входитъ въ силу, — до того, что во взглядахъ многихъ «обученіе русскому языку» вполнѣ отождествилось съ «обученіемъ русской грамматикѣ». Вслѣдствіе этого происходитъ то, что дѣти, начиная съ младшихъ классовъ, въ разныхъ формахъ и объемахъ проходятъ русскую грамматику, и въ концѣ концовъ она имъ такъ пріѣдается, что трудно

¹⁾ Признавая вполнѣ пользу нагляднаго обученія въ примѣненіи къ нѣкоторымъ учебнымъ предметамъ, напр., естественной исторіи, географіи, мы не считаемъ его важнымъ подспорьемъ при обученіи языку. Огромное большинство словъ въ языкѣ таково, что содержанія ихъ нагляднымъ путемъ объяснить невозможно, а тѣ изъ нихъ, которыя могутъ быть объяснены наглядно, принадлежать и такъ къ числу самыхъ понятныхъ словъ для дѣтей.

бываетъ возбуждать въ учащихся интересъ къ ней даже болѣе серьезнымъ курсомъ въ старшемъ классѣ. Такое преобладаніе грамматики въ ущербъ другимъ упражненіямъ по языку мы считаемъ положительно вреднымъ. При изученіи всякаго иностраннаго языка обращается вниманіе не только на усвоеніе формъ его, но изучается и самый лексическій матеріалъ его, слова. При обученіи родному языку послѣднее какъ-то опускается изъ виду, какъ-будто предполагается, что лексическій матеріалъ уже готовъ у ребенка, такъ что надо заботиться только о формахъ языка. Это—большая ошибка. Приглянитесь къ шести-семилѣтнему ребенку, прислушайтесь къ его рѣчи, и вы замѣтите, что онъ почти совсѣмъ не ошибается въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, въ управленіи и согласованіи словъ,—вообще не чувствуетъ особаго затрудненія въ употребленіи грамматическихъ формъ, но зато увидите, что ребенокъ часто затрудняется выразить свою мысль потому, что наличный запасъ словъ у него еще очень малъ, что онъ не можетъ въ немъ найти подходящее къ мысли выраженіе. Случается также, что ребенокъ путается въ словахъ, употребляетъ ихъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, потому что еще не ясно для него значеніе ихъ. Отсюда естественно вытекаетъ заключеніе о томъ, на что должны болѣе всего обращать вниманіе мать, воспитательница, учитель. Если хотятъ развивать даръ слова въ дѣтяхъ, они должны а) обогащать запасъ словъ ихъ новыми словами и б) выяснять значеніе словъ, чтобы съ ними связывалось определенное содержаніе въ сознаніи дѣтей. Когда мы говоримъ о какомъ-нибудь писателѣ, что онъ «хорошо владѣетъ словомъ», то подъ этимъ выраженіемъ мы разумѣемъ богатый лексиконъ писателя и умѣніе его пользоваться имъ. Не нарисовать даже и талантливому художнику роскошнаго пейзажа, если нѣтъ въ его распоряженіи богатаго запаса красокъ, или и есть, да нѣтъ умѣнья пользоваться ими. Итакъ, если хотите развивать въ дѣтяхъ даръ слова, увеличивайте у нихъ запасъ словъ и выраженій, научите пользоваться ими, подобно тому, какъ учитель живописи учитъ своего ученика пользоваться красками. Всякая мать, всякая наставница, наконецъ, всякій взрослый человѣкъ, умѣющій толково говорить, по отношенію къ ребенку можетъ болѣе или менѣе играть такую роль, какъ учитель-живописецъ по отношенію къ своему ученику; а тѣ лица, которыя берутся обучать родному языку, должны быть еще болѣе способны къ этой роли: они должны освоить своихъ ученицъ и учениковъ мало-по-малу съ богатствомъ родного языка, съ его силою, съ его особенностями на образцахъ лучшихъ поэтовъ и писателей. Но намъ, пожалуй, возражать поборники нагляднаго обученія: какъ, вы хотите знакомить дѣтей со словами, т. е. съ пустыми звуками, еще не имѣющими для нихъ почти никакого смысла? Ничуть не бывало. Во-первыхъ, согласитесь, что вѣдь очень немного такихъ словъ, которыя можно, такъ сказать,

оагладить помощью картинъ, моделей и другихъ подобныхъ учебныхъ пособій. Какъ вы это сдѣлаете, напимѣрь, со словами, означающими отвлеченныя понятія, дѣйствія, отношенія? А, во-вторыхъ, зачѣмъ же предполагать, что мы совѣтуемъ знакомить со словами, содержаніе которыхъ недоступно дѣтскому пониманію? Конечно, и слѣдуя пути, указанному нами, можно впадать въ ошибку и увлеченія, какъ и во всякомъ дѣлѣ.

Говоря о необходимости сознательно увеличивать лексиконъ дѣтей, мы вовсе не разумѣли введенія въ него словъ, означающихъ еще чуждыя ребенку понятія,—выраженій, не имѣющихъ ничего общаго съ наличнымъ запасомъ его представленій; но мы имѣли въ виду такія слова, которыя представляютъ только новое средство для выраженія существующихъ уже у ребенка понятій и представлений, дадутъ болѣе живую и яркую форму имъ. Ребенокъ, напимѣрь, очень хорошо понимаетъ слова: «плакать» и «смѣяться», но у него есть еще и представленія различныхъ степеней плача и смѣха, но словесныхъ выраженій ихъ въ его скудномъ лексиконѣ еще нѣтъ. И вотъ ребенокъ, если онъ живого, воспримчиваго характера, часто силится передать свое представленіе, напр., о плачѣ или смѣхѣ, дополняетъ знакомыя ему, но недостаточныя для выраженія его представленія, слова объяснительными словами, путается въ нихъ и кончаетъ тѣмъ, что съ неудовольствіемъ долженъ самъ признать внутренне свою попытку неудачною. Но вотъ наставница или мать ознакомила ребенка со словами: «рыдать», «улыбаться», «усмѣхаться», «хохотать» и др. Теперь, получивъ въ сознательное обладаніе указанныя слова, онъ безъ особаго труда живо, полно, мѣтко выражаетъ тѣ представленія, которыя причинили ему раньше столько непріятныхъ хлопотъ. Съ другой стороны нерѣдко приходится встрѣчаться въ дѣтскій рѣчи съ неточными и неловкими выраженіями, происходящими или отъ недостатка словъ, или отъ неяснаго пониманія ихъ. Напимѣрь, въ рѣчи ребенка не трудно встрѣтить такія выраженія: «воробей *поетъ*» (вм. щебечеть), «лошадь *кричитъ*» (вм. ржетъ), «у меня явилось *мыслие* идти гулять» (вм. намѣреніе), «ворона *вспорнула* и улетѣла» и пр. Не останавливать дѣтей при этомъ, не знакомить ихъ съ правильными и мѣткими выраженіями, значить содѣйствовать той словесной неряшливости и безцвѣтности, которая такъ часто замѣчается въ юношеской рѣчи, да и не только въ юношеской...

Основываясь на сказанномъ, мы приходимъ къ слѣдующему положенію: *въ интересахъ мыслительной способности дѣтей необходимо обращать на развитіе у нихъ дара слова самое серьезное вниманіе какъ дома, такъ и въ школѣ.*

Теперь обратимся къ изысканію наиболѣе вѣрныхъ средствъ для развитія дара слова у дѣтей. Если мы рассмотримъ, что принято обыкновенно разумѣть подъ выраженіемъ «хорошая рѣчь», то

найдемъ, что подъ нимъ разумѣютъ а) ясную мысль, б) правильную и чистую словесную форму и с) полное совпаденіе ея съ мыслью. Безъ этого совпаденія рѣчь будетъ представлять или пустозвонство, если скудная, тощая мысль облекается въ богатую словесную форму, или будетъ темна, непонятна, если богатая мысль заключается въ скудную форму, если говорящій слишкомъ скупъ на слова. Способность вѣрно охватить нѣсколькими словами мысль, чтобы она, такъ сказать, совершенно выполняла свою словесную форму, сквозила бы сквозь нее и въ то же время не стѣснялась бы ею,—эта способность очень рѣдка и дается на долю немногихъ высокоталантливыхъ людей. Къ великимъ ораторамъ и поэтамъ обращаются за лучшими образцами ея...

Дѣти, поступающія въ низшій классъ учебнаго заведенія, обыкновенно говорятъ сбивчиво, путаются въ словахъ, если мысль, которую они намѣрены выразить, довольно сложна и не принадлежитъ къ числу тѣхъ обыденныхъ мыслей и сужденій, съ которыми они сжились. У нихъ еще нѣтъ способности ясно и скоро мыслить, не великъ запасъ словъ, да притомъ и содержаніе многихъ изъ нихъ еще весьма неопредѣленно.

Такимъ образомъ, преподающіе родной языкъ обязаны обогащать лексическій матеріалъ дѣтей, учить ихъ пользоваться средствами языка, содѣйствовать вмѣстѣ съ тѣмъ развитію мышленія, которое, какъ мы старались показывать, неразрывно связано съ даромъ слова. Развитію мышленія содѣйствуютъ и всѣ другіе учебные предметы, но специально задачей учителя русскаго языка должно быть возможно полное освоеніе дѣтей съ родной рѣчью и притомъ въ ея живыхъ отправленіяхъ, въ лучшихъ поэтическихъ произведеніяхъ, а не съ разобщенными членами ея. Онъ долженъ больше обращаться, такъ сказать, къ изученію физиологіи рѣчи, а не заниматься только анатоміей ея—грамматикой.

Ребенокъ до поступленія въ низшій классъ, даже до начала ученія, уже бралъ уроки русскаго языка и оказалъ успѣхи очень большіе: онъ выражаетъ свои желанія и чувства такъ, что его могутъ понять, владѣть уже хотя и небольшимъ запасомъ словъ, не учивъ ихъ наизусть, склоняетъ и спрягаетъ такъ, какъ и всякій человѣкъ, не искушенный грамматикой, т. е. употребляетъ разные падежи и глагольныя формы тамъ, гдѣ они имѣютъ смыслъ, т. е. въ предложениі. Все это приобрѣтено ребенкомъ путемъ навыка; наставниковъ, сознательно и намѣренно дѣйствующихъ на ребенка, еще не было. Воспользуемся и мы этимъ навыкомъ для нашей цѣли. Ребенокъ слушалъ дома рѣчь окружающихъ его людей и отъ нихъ учился родному слову, дадимъ ему теперь въ собесѣдники лучшихъ художниковъ слова, пусть онъ у нихъ послушаетъ «образцовую родную рѣчь».

Лучшимъ средствомъ для развитія у дѣтей дара слова считаемъ

объяснительное чтеніе образцовыхъ по языку произведеній и пересказъ ихъ дѣтми. Это средство, по нашему мнѣнію, наилучшее и при домашнемъ подготовительномъ обученіи, и въ младшихъ классахъ школы. Теперь намъ предстоитъ рѣшить вопросъ, какіе именно образцы наиболѣе пригодны для нашей цѣли и какъ производить объяснительное чтеніе. Само собою разумѣется, что поэтическія произведенія гораздо удобнѣе для нашей цѣли, чѣмъ прозаическія. Образный языкъ поэтического произведенія гораздо доступнѣе дѣтскому пониманію, чѣмъ отвлеченный прозаическій языкъ. Само слово есть поэтическое произведеніе, и въ поэтической рѣчи оно живетъ, какъ рыба въ водѣ, тогда какъ въ прозаическомъ языкѣ оно низводится на степень простого символа. Но поэтическая рѣчь, на которой предполагается развивать вкусъ и даръ слова ребенка, не должна поражать тѣми рѣзкими индивидуальными особенностями, которыя составляютъ достоинства и личную принадлежность какого-нибудь оригинальнаго поэта. Эта рѣчь должна быть та, которая можетъ быть признана общимъ достояніемъ,—мы разумѣемъ рѣчь народную. Съ другой стороны статья, предназначенная для чтенія и пересказа, должна быть интересна для ребенка, иначе она плохо запомнится и неохотно будетъ пересказываться. Повѣствовательныя статьи, конечно, для пересказа удобнѣе описательныхъ. Сообразивъ все сказанное, невольно останавливаешься мысленно на народной сказкѣ и произведеніяхъ, близкихъ къ ней по формѣ и по содержанію, изъ искусственной поэзіи. Если мы обратимся къ наиболѣе употребляемымъ книгамъ для чтенія при начальномъ обученіи, то найдемъ, что почти всѣ онѣ мало пригодны для нашей цѣли.

Безцвѣтный отвлеченный языкъ, искусственное наивничанье, поддѣлка подъ дѣтскую рѣчь,—вотъ свойства, какими обыкновенно отличаются книги для дѣтскаго чтенія.

Но прежде, чѣмъ мы станемъ говорить о томъ, какъ вести объяснительное чтеніе, намъ необходимо сдѣлать небольшое отступленіе и поговорить объ одномъ предразсудкѣ, распространенномъ довольно сильно относительно сказокъ... Сказка, скажутъ многіе, вредно дѣйствуетъ на воображеніе, которое и такъ до крайности сильно въ дѣтскомъ возрастѣ... Интересно узнать, на какихъ фактахъ основываются, говоря о сильномъ воображеніи дѣтей. Ребенокъ, напримѣръ, садится верхомъ на стулъ и воображаетъ, что онъ ѣдетъ на конѣ; дитя при видѣ куска мѣха представляетъ кошку и т. п. При этомъ часто приходится слышать: какое сильное воображеніе у этого ребенка! Но вѣдь еще вопросъ, чѣмъ надо объяснить подобныя явленія: тѣмъ ли, что здѣсь сильно дѣйствуетъ воображеніе, или—тѣмъ, что для него и работы предстоитъ очень мало, потому что представленія ребенка далеко еще не имѣютъ той опредѣленности и полноты признаковъ, какъ представленія взрослаго человѣка.

Для взрослого человѣка четырехъ ножекъ стула и возможности сѣсть на него верхомъ мало для того, чтобы вызвать представленіе лошади, такъ какъ представленіе о ней является у него совокупностью признаковъ, не имѣющихъ ничего общаго со стуломъ, тогда какъ ребенку довольно добавить три-четыре признака къ признакамъ стула, чтобы получилась у него вполнѣ та сумма признаковъ, которая составляетъ у него представленіе лошади. Слѣдовательно, явленія, принимаемыя за доказательство особенной силы воображенія у дѣтей, происходятъ въ сущности отъ бѣдности представленія. Этимъ же можно объяснить, почему неопредѣленный рисунокъ, представляющій нѣкоторое подобіе туловища съ четырьмя палочками внизу съ прибавкой небольшого кружка съ одного конца, признается ребенкомъ изображеніемъ лошади; прибавьте къ предполагаемой головѣ двѣ согнутыя черточки, и бывшая лошадь мгновенно превращается въ глазахъ ребенка въ корову...

То, что въ сказкѣ для насъ является небывальщиной, прихотливой игрой фантазіи, на ребенка дѣйствуетъ иначе. Онъ еще не имѣетъ настолько опыта, чтобы прямо признать сказочныя событія невозможными. Они дѣйствуютъ на него такъ, какъ на насъ дѣйствуетъ рядъ неожиданныхъ происшествій; они его удивляютъ, занимаютъ. Конечно, все сказанное надо отнести къ ребенку 4—5-лѣтнему. Съ большимъ возрастомъ онъ станетъ уже нѣсколько критически относиться къ фантастическому элементу въ сказкѣ. Восьми-девятилѣтній ребенокъ, читая или слушая сказку, обращается безпрестанно къ взрослымъ съ вопросами: развѣ это было? или: вѣдь это неправда? Эти наивные вопросы показываютъ уже, какъ ребенокъ относится къ сказкѣ. Скажите ему, что сказка представляетъ небывальщину, что самъ народъ смотреть уже на сказку, какъ на шутку,—это не повредить сильно обаянію; сказка произвела впечатлѣніе и будетъ производить именно такое впечатлѣніе до тѣхъ поръ, пока умъ его не достигнетъ извѣстной степени зрѣлости. Тогда перемѣнится отношеніе его къ сказкѣ, но и тогда сказка не сдѣлается для него противною, смѣшною, пошлою, какъ правоучительныя, дѣтскія книжки; но онъ уже, какъ взрослый, станетъ болѣе цѣнить поэтическую сторону сказки, образный ея языкъ, мѣткость выраженія и т. д. Всякому взрослому, даже человѣку, нелишенному поэтическаго чутья, хорошая, исполненная поэзіи сказка не можетъ не нравиться. Конечно, неумѣстно было бы читать дѣтямъ или рассказывать тѣ сказки, гдѣ есть что-либо пугающее, какіе-либо страшные образы, гдѣ, наконецъ, фальшиво представлены житейскія отношенія. Но такія сказки представляютъ болѣе болѣзненные порожденія отдѣльных лицъ въ искусственной поэзіи, а въ нашихъ народныхъ сказкахъ преобладаетъ трезвый взглядъ на вещи и нравственное чутье. Наконецъ, сказки, выбранныя для дѣтскаго чтенія, обыкновенно представля-

ють лучшія изъ сказокъ, не только по формѣ, но и по содержанию. Дорого для насъ въ сказкѣ быстрое движеніе разсказа, непрерывная смѣна представленій. Понятно, почему сказка является любимымъ чтеніемъ маленькихъ дѣтей. Особенно же дорогъ для насъ въ сказкахъ языкъ простой, живой, образный, бойкій, могучій языкъ, къ которому чутко прислушивался въ дѣтствѣ нашъ Пушкинъ, и отъ знанія котораго онъ только и могъ стать Пушкинымъ... Какую великую услугу русскому образованію и слову оказалъ бы человекъ, владѣющій эстетическимъ чувствомъ, знающій основательно русскій народъ и его поэзію и понимающій дѣтскую натуру, составивши небольшой сборникъ чисто народныхъ сказокъ ¹⁾ для дѣтей!.. Сколько между этими сказками нашлось бы высоко нравственныхъ, гуманныхъ, въ высшей степени полезныхъ въ воспитательномъ отношеніи (напр., прелестная сказка «О серебряномъ блюдечкѣ и наливномъ яблочкѣ». «Марко богатый» и др.). Какой свѣжей дѣтской поэзіей вѣетъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ! ²⁾ Такъ какъ можетъ случиться, что у нашего читателя не будетъ подъ руками сборника сказокъ, то мы приводимъ въ примѣръ простого и въ то же время поэтического языка небольшую сказку «Снѣгурка».

СНѢГУРКА.

Жиль-былъ крестьянинъ Иванъ, и была у него жена Марья; да не было у нихъ дѣтей. Иванъ и Марья жили въ любви и согласіи; такъ они и состарились; а дѣтей у нихъ все не было. Сильно о томъ они сокрушались, и только, глядя на чужихъ дѣтей, утѣшались. А дѣлать нечего! Такъ ужъ, видно, имъ Господь судилъ: вѣдь все въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а Божіимъ судомъ!

Вотъ разъ,—какъ пришла зима, да напало молодого снѣгу по колѣно,—ребятишки высыпали на улицу поиграть, а старички наши подѣзли къ окну поглазѣть на нихъ. Ребятишки бѣгали, рѣзвились и стали лѣпить бабу изъ снѣгу. Иванъ съ Марьей глядѣли, молча призадумавшись. Вдругъ Иванъ усмѣхнулся и сказалъ: «пойти бы намъ жена, да слѣпить себѣ бабу!». На Марью видно тоже нашель веселый часъ. «Что жъ,—сказала она, пойдемъ, разгуляемся на старости! Только на что тебѣ бабу лѣпить: будетъ съ тебя и меня одной;

¹⁾ Причемъ, конечно, можно было бы въ нѣкоторыхъ сказкахъ замѣнить чисто мѣстные слова и выраженія общеупотребительными и общепонятными; эти выраженія, имѣя значеніе въ этнографическомъ сборникѣ, вовсе неумѣстны въ дѣтской книгѣ.

²⁾ До сихъ поръ еще у насъ нѣтъ такого образцоваго сборника народныхъ сказокъ, и сказки Гримма (въ очищенномъ изданіи Павленкова), и сказки Афанасьева нельзя, по нашему мнѣнію, дать прямо въ руки дѣтямъ.

слѣпимъ лучше себѣ дитя изъ снѣгу, коли Богъ не далъ живого!»— «Что правда, то правда...» сказалъ Иванъ, взявъ шапку и пошелъ на огородъ со старухой.

Они и вправду принялись лѣпить куклу изъ снѣгу; сложили туловище съ ручками и съ ножками; наложили сверху круглый комъ снѣга и обгладили изъ него головку.

«Богъ въ помощь!» сказалъ кто-то, проходя мимо. «Спасибо— благодарствуемъ!» отвѣчалъ Иванъ; «Божья помощь на все хорошо, промолвила Марья.

«Что жъ это вы подѣлываете?» «Да вотъ, что видишь!» отвѣчалъ Иванъ. «Снѣгурку...» промолвила Марья, засмѣявшись.

Вотъ они вылѣпили носикъ и бородку; сдѣлали двѣ ямочки во лбу, и только что Иванъ прочертилъ ротикъ, какъ изъ него вдругъ дохнуло теплымъ духомъ. Иванъ второпяхъ отнялъ руку; только смотреть: ямочки во лбу стали ужъ на выкатъ, и вотъ изъ нихъ проглядываютъ голубенькіе глазки; вотъ ужъ и губки какъ малиновыя и улыбаются. «Что это, Господи! не навожденіе ли какое?» сказалъ Иванъ, кладя на себя крестное знаменіе. А кукла наклоняетъ къ нему головку, точно живая, и зашевелила ручками и ножками въ снѣгу, словно грудное дитя въ пеленкахъ.

«Ахъ, Иванъ, Иванъ!—закричала Марья, задрожавъ отъ радости,—да это намъ Господь дитя даетъ!» и бросилась обнимать Снѣгурку, а со Снѣгурки весь снѣгъ отвалился, какъ скорлупа съ яичка, и на рукахъ у Марьи была уже въ самомъ дѣлѣ живая дѣвочка. «Ахъ ты, моя Снѣгурушка дорогая!» воскликнула старуха, обнимая свое желанное и неожиданное дитя, и побѣждала съ нимъ въ избу.

Иванъ насилу опомнился отъ такого чуда; а Марья была безъ памяти отъ радости.

И вотъ Снѣгурка растетъ не по днямъ, а по часамъ и что день, то все лучше. Иванъ и Марья не нарадуются ею. И весело пошло у нихъ въ дому. Дѣвки съ села у нихъ безвыходно: забавляютъ и убираютъ бабушкину дочку, словно куколку; разговариваютъ съ нею, поютъ ей пѣсни, играютъ съ нею во всякія игры, и научаютъ ее всему, какъ что у нихъ ведется. А Снѣгурка—такая смышленная все примѣчаетъ и перенимаетъ. И стала она за зиму точно дѣвочка лѣтъ тринадцати: все разумѣетъ, обо всемъ говоритъ, и такимъ сладкимъ голосомъ, что заслушаешься. И такая она добрая, послушная, ко всѣмъ привѣтливая. А собою она бѣленькая, какъ снѣгъ; глазки что незабудочки; свѣтлорусая коса до пояса; одного румянца нѣтъ вовсе, словно живой кровинки не было въ тѣлѣ... да и безъ того она была такая пригожая и хорошая, что заглядѣнье. А какъ, бывало, разы-

грается она, какъ такая утѣшная и пріятная, что душа радуется! И всѣ не напобуются Снѣгуркою; старушка же Марья души въ ней не слышитъ. «Вотъ Иванъ, — говорила она мужу, — дароваль-таки намъ Богъ радость на старость! миновалась-таки печаль моя задушевная!..» А Иванъ говорилъ ей: «Благодареніе Господу! здѣсь радость не вѣчна, и печаль не безконечна...»

Прошла зима. Радостно заиграло на небѣ весеннее солнце и пригрѣло землю. На проталинахъ зазеленѣла мурава, и заплѣтъ жаворонокъ. Ужъ и красныя дѣвицы собрались въ хороводъ подь селомъ и пропѣли:

«Весна красна! на чемъ пришла,

На чемъ прѣхала?..

— На сощечкѣ, на бороночкѣ!»

А Снѣгурка что-то скучна стала. «Что съ тобой, дитя мое?» — говорила не разъ ей Марья, приголубливая къ себѣ, — не больна ли ты? Ты все такая невеселая, совсѣмъ съ личика спала. Ужъ не сглазиль ли тебя недобрый человѣкъ?» А Снѣгурка отвѣчала ей всякій разъ: «Ничего, бабушка! я здорова...»

Вотъ и послѣдній снѣгъ согнала весна своими красными днями. Зацвѣли сады и луга; заплѣтъ соловей и всякая птица; и все въ Божіемъ мірѣ стало живѣй и веселѣй. А Снѣгурка сердечная еще сильнѣе скучать стала; дичится подружекъ и все прячется отъ солнца подь тѣнь, словно ландышъ подь деревцомъ. Ей только и любо было, что плескаться у студенаго ключа подь зеленою ивушкаю. Снѣгуркѣ все бы тѣнь да холодокъ, а и того лучше частый дождичекъ. Въ дождикъ и сумракъ она веселѣе становилась. А какъ одинъ разъ надвинулась сѣрая туча да посыпала крупнымъ градомъ, Снѣгурка ему такъ обрадовалась, какъ иная не была бы рада и жемчугу перекатному. Когда же опять припекло солнце и градъ взялся водою, Снѣгурка всплакалась по немъ такъ сильно, какъ будто сама хотѣла разлиться слезами, — какъ родная сестра плачется по братѣ.

Вотъ ужъ пришелъ и весны конецъ, приспѣлъ Ивановъ день. Дѣвки съ села собрались на гулянье въ рошу, зашли за Снѣгуркою и пристали къ бабушкѣ Марьѣ: «Пусти, да пусти съ нами Снѣгурку!». Марьѣ страхъ не хотѣлось пускать ее; не хотѣлось и Снѣгуркѣ идти съ ними; да не могла отговориться. Къ тому же Марья подумала: авось разгуляется ей Снѣгурушка! И она принарядила ее, поцѣловала и сказала: Поди же, дитя мое, повеселись съ подружками! а вы, дѣвки,

смотрите—берегите мою Снѣгурушку... вѣдь она у меня, сами знаете какъ порохоъ въ глазу!».

— «Хорошо! хорошо!» закричали онѣ весело, подхватили Снѣгурку и пошли гурьбою въ рошу.

Тамъ онѣ вили себѣ вѣнки, вязали пучки изъ цвѣтовъ и распѣвали свои заунывно-веселыя пѣсни. Снѣгурка была съ ними безотлучна.

Когда закатилось солнце, дѣвки наложили костеръ изъ травы и мелкаго хворосту, зажгли его и всѣ въ вѣнкахъ стали въ рядъ одна за другою, а Снѣгурку поставили позади всѣхъ. «Смотри же,—сказали онѣ,—какъ мы побѣжимъ, и ты также бѣги слѣдомъ за нами, не отставай!» И вотъ всѣ, затянувши Купалову пѣсню, поскакали черезъ огонь.

Вдругъ что-то позади ихъ зашумѣло и простонало жалобно: ау!.. Оглянулись онѣ въ испугъ: нѣтъ никого. Смотрятъ другъ на дружку и не видятъ между собой Снѣгурки. — «А вѣрно, спряталась, шалунья», сказали онѣ и разбѣжались искать ее, и никакъ не могли найти: кликали, аукали, — а она не отзывалась. «Куда-бы это дѣвалась она?» говорили дѣвки. «Видно домой убѣжала», сказали онѣ потомъ и пошли въ село; но Снѣгурки и въ селѣ не было.

Искали ее на другой день, искали на третій; исходили всю рошу — кустики за кустикъ, дерево за деревцо: Снѣгурки все не было, и слѣдъ пропасть.

Долго Иванъ и Марья горевали и плакали о своей Снѣгуркѣ; долго еще бѣдная старушка каждый день ходила въ рошу искать ее; и все кликала она, словно кукушка горемычная:

«Ау! ау! Снѣгурушка!

Ау, ау! голубушка!»

И не разъ ей слышалось, будто голосомъ Снѣгурки отзывалось: ау!.. Снѣгурки же все нѣтъ, какъ нѣтъ!

Куда же дѣвалась Снѣгурка?.. Лютый ли звѣрь умчалъ ее въ дремучій лѣсъ, али хищная птица унесла ее къ синему морю?..

Нѣтъ, не лютый звѣрь умчалъ ее въ дремучій лѣсъ и не хищная птица унесла ее къ синему морю; а когда Снѣгурка побѣжала за подружками и вскочила въ огонь—вдругъ потянулась она вверхъ легкимъ паромъ, свилась въ тонкое облачко... и полетѣла въ высоту поднебесную.

Мы привели эту сказку, между прочимъ, и для того, чтобы показать, въ какомъ видѣ народныя сказки должны помѣщаться въ хрестоматіяхъ для первоначальнаго чтенія. Сказка эта не

представляется въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ устахъ народа; это, очевидно, пересказъ человѣка, знающаго условія литературнаго языка, и такой пересказъ, въ которомъ вполнѣ сохранился простой складъ народной рѣчи и тотъ простодушный тонъ, который составляетъ неотъемлемую принадлежность народной поэзіи.—Сказка «Снѣгурка», какъ мы видѣли, заключаетъ въ себѣ фантастическій элементъ, но кто считаетъ его и въ такомъ видѣ вреднымъ для дѣтей, тотъ долженъ считать вредными вообще и любой поэтической оборотъ, метафору и олицетвореніе; другими словами—тотъ долженъ вычеркивать вообще поэзію изъ ряда воспитательныхъ средствъ. Подобная сказка, по нашему убѣжденію, представляетъ самый удобный матеріалъ для чтенія и пересказа. По содержанію она интересна для 9—10-лѣтняго ребенка; слушается она со вниманіемъ. Языкъ ея настолько простъ, что и безъ всякихъ объясненій содержаніе можетъ быть понято. Пересказъ ея не труденъ, но и не настолько легокъ, чтобы въ глазахъ ребенка казался пустою задачею. Многія изъ дѣтей охотно отзовутся на вашъ вызовъ пересказать сказку своими словами и перескажутъ болѣе или менѣе удовлетворительно. При подобныхъ работахъ поступали мы обыкновенно такимъ образомъ: прочитывали сами всю сказку громко передъ всѣмъ классомъ. Затѣмъ шло разъясненіе непонятныхъ или малопонятныхъ словъ. Для этого прочитывалась сказка по частямъ, представлявшимъ сколько-нибудь законченное цѣлое. (Такое дѣленіе показано на вышеприведенномъ образцѣ). Потомъ перебирали тѣ слова, которыя могли быть безъ объясненія не вполнѣ вразумительны дѣтямъ. Когда встрѣчалось подобное слово или выраженіе, то вызывались желающіе объяснить его. Очень часто случалось, что почти каждое такое слово кѣмъ-нибудь изъ класса объяснялось довольно удовлетворительно, такъ что приходилось только дополнять нѣсколько или исправлять данное ученикомъ объясненіе. Такимъ образомъ, чего одинъ ребенокъ не зналъ, объясняли другой, и происходило какъ бы взаимное обученіе языку. Объясненіе слова состояло въ томъ, что приводилось синонимическое слово, или выраженіе, состоящее изъ нѣсколькихъ словъ, но равнозначающее по содержанію объясняемому слову; приводи-

лись, если это можно было сдѣлать безъ особеннаго затрудненія, слова, происходящія отъ одного корня съ объясняемымъ; наконецъ—противоположныя слова. Такъ, напримѣръ, изъ перваго отрывка приведенной сказки объяснялись слова: *сокрушались, утѣшались, судить и твориться*. По прочтеніи словъ «они сокрушались» ставился вопросъ, какъ можно было бы иначе сказать вмѣсто *сокрушались*?—Печалились, горевали. А какое слово показываетъ болѣе сильное чувство: *печалились* или *сокрушались*? Дѣти естественно затрудняются отвѣтить на этотъ вопросъ. Тогда сопоставляются со словомъ *сокрушались* слова: *крушить, крушеніе*, и дѣти приводятся послѣ нѣсколькихъ объясненій къ сознанію, что слово *сокрушались* выражаетъ болѣе сильное чувство печали, горя, чѣмъ приведенные синонимы. При этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что надо опасаться, чтобы не слишкомъ вдаваться въ объясненія и филологическія тонкости. Если только синонимы приведены вѣрно, то при первоначальномъ обученіи языку этимъ можно и ограничиться, оставляя выясненіе оттѣнковъ ихъ до слѣдующихъ классовъ; при томъ, если только дѣти будутъ воспитаны на живомъ народномъ и поэтическомъ языкѣ, то у нихъ разовьется само собою такое чутье къ языку, что даже и безъ объясненій они будутъ сознать различіе между синонимами.—Надъ словами, которыя дѣти совершенно вѣрно употребляютъ въ своей рѣчи, не слѣдуетъ останавливаться, но объяснять только тѣ, которыя для большинства изъ нихъ являются новыми. Такихъ словъ въ сказкахъ, подобныхъ «Снѣгуркѣ», будетъ встрѣчаться не такъ много, чтобы этимъ занимать дѣтей по нѣсколько часовъ по прочтеніи каждой сказки. На прочтеніе, объясненіе словъ и пересказъ такой сказки, какъ «Снѣгурка», мы положили бы два урока.

По разъясненіи новыхъ словъ учитель вызываетъ желающихъ или назначаетъ самъ по своему усмотрѣнію кого-либо для пересказа прочтеннаго отрывка. Затѣмъ такая же работа происходитъ со вторымъ отрывкомъ, третьимъ и т. д. Послѣ такой проработки всей сказки учитель вызываетъ желающихъ пересказать всю сказку цѣликомъ своими словами. Затѣмъ задается дѣтямъ къ слѣдующему разу прочесть дома сказку по книгѣ разъ или два, чтобы быть въ состояніи бѣгло и сколько

нибудь выразительно читать ее. Послѣ такой проработки сказка такъ усваивается ребенкомъ, что онъ безъ труда пересказываетъ ее, и вы замѣтите, что многіе обороты и выраженія ея усвоены имъ почти цѣликомъ, хотя онъ ихъ не заучивалъ наизусть, и вы не видите того искусственного напряженія памяти, которое замѣчается у заучившаго наизусть. Онъ употребляетъ эти выраженія совершенно свободно, какъ свои собственные, да они и дѣйствительно его собственные, если только онъ понялъ и прочувствовалъ ихъ.—Но зачѣмъ, скажутъ намъ, непременно для этой цѣли брать сказку? Развѣ нельзя выбрать отрывки или даже цѣлыя небольшія пьесы изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ? Повторяемъ, народная поэзія для нашей цѣли незамѣнима и должна непременно войти, какъ существенный элементъ, въ воспитаніе дѣтей, какъ одно изъ могучихъ средствъ для развитія у нихъ дара слова. Искусственная поэзія не дастъ того, что дастъ народная. Языкъ великихъ поэтовъ слишкомъ, такъ сказать, цвѣтистъ и пахучъ сравнительно съ народнымъ. Языкъ искусственной поэзіи—это цвѣтникъ, полный великолѣпными, выхоленными цвѣтами; но они слишкомъ ярки, слишкомъ пахучи. Поводите ребенка хотя немного по обширному полю народной поэзіи, покажите ему простые полевые цвѣты ея, и если онъ полюбитъ ихъ, то онъ пойметъ и пышность, и красоту, и аромать цвѣтовъ искусственной поэзіи. А избалованный ими съ самаго начала, онъ, пожалуй, простыхъ красотъ народной рѣчи и не замѣтитъ...

Результаты чтенія и пересказа сказокъ слѣдующіе: 1) дѣти приобрѣтають богатый запасъ новыхъ выразительныхъ словъ и оборотовъ, 2) приобрѣтають навыкъ связно и толково излагать рассказы съ довольно сложнымъ содержаніемъ, навыкъ справляться съ рѣчью, наконецъ, 3) приобрѣтають, хотя и мимоходомъ, различныя реальныя свѣдѣнія. Въдѣ въ сказкахъ отражается бытъ русскаго крестьянина, въдѣ и здѣсь онъ и пахнетъ, и сѣетъ, и коситъ, и жнетъ... Учитель долженъ, конечно, объяснить и эти слова, чтобы понятенъ былъ и весь рассказъ. И, право, чтеніе сказокъ да бѣглыя даже объясненія учителя больше знакомятъ дѣтей съ русскимъ мужичкомъ, чѣмъ тѣ хитроумныя бесѣды по картинамъ, гдѣ подробно разбирается мужи-

чекъ, начиная съ шапки и до лаптей включительно, разбирается до того..., что опротивѣтъ онъ дѣтямъ и съ лаптями своими, и съ шапкой...

Если десять-пятнадцать удачно выбранныхъ сказокъ будетъ прочтено съ дѣтьми и разобрано, это несомнѣнно принесетъ громадную пользу въ дѣлѣ развитія дара слова. Будетъ ли это сдѣлано дома, до школы, или въ низшемъ классѣ школы, это въ сущности все равно: лишь былъ бы введенъ въ дѣтскую рѣчь элементъ народной рѣчи.—Особенно слѣдуетъ озаботиться объ этомъ матерямъ и воспитательницамъ, занимающимся съ дѣтьми до школы. Семи-восьмилѣтній возрастъ, по нашему убѣжденію, наиболѣе удобное время для освоенія со сказочнымъ народнымъ языкомъ. Но во всякомъ случаѣ и въ школѣ, особенно въ самыхъ младшихъ классахъ, народная рѣчь должна послужить однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ при развитіи дара слова.

Такимъ образомъ при чтеніи и разсказѣ читаннаго ученикамъ дается готовое содержаніе и готовая форма, имъ остается только усваивать готовое, болѣе или менѣе пассивно. Здѣсь не приходится ребенку задуматься надъ тѣмъ, какъ бы удачнѣе выразить словами свою собственную мысль. Кромѣ того, и думать-то особенно много надъ сказкой не приходится.—Для упражненія мыслительной способности и приученія выражать словесно свою собственную мысль служатъ другаго рода работы, которыя мы назовемъ логическими упражненіями.—Эти упражненія производятся сравнительно рѣже чтенія и простого пересказа. Цѣль этихъ упражненій, кромѣ вышеуказанной,—приучать дѣтей къ стройному мышленію, чтобы они направляли свою мысль къ определенной цѣли, преодолевали свободное теченіе мыслей. Упражненія эти производятся такъ: выбирается краткая статья, обыкновенно басня, прочитывается учителемъ, объясняются непонятныя слова и выраженія, затѣмъ задаются вопросы, которыми наводятся ученики на главную мысль статьи, на постепенное развитіе этой мысли. Такъ какъ подобная работа не вполне свойственна дѣтскому возрасту, то въ младшемъ классѣ производится она изрѣдка и постепенно усиливается въ слѣдующихъ классахъ.

Для примѣра приводимъ разборъ басни «Стрекоза и Муравей» ¹⁾).

Послѣ прочтенія ея учителемъ и разъясненія, по большей части самими учащимися, нѣкоторыхъ словъ и выраженій въ родѣ: *красное лѣто, оглянуться не успѣла, зима катитъ въ глаза* и др., читаются первые четыре стиха:

Попрыгунья стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.

Затѣмъ ставится вопросъ: нельзя ли короче, въ двухъ-трехъ словахъ сказать, о чемъ говорится въ прочитанныхъ стихахъ? Дѣти приводятся къ отвѣту, что говорится о томъ, какъ провела стрекоза лѣто.—А нельзя ли видѣть, какъ именно она провела его?—«Провела весело».—Изъ чего это видно?—«Она все пѣла и не замѣтила, какъ время идетъ».

Читайте далѣе: Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ.
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужъ не поетъ;
И кому же въ умъ поидеть
На желудокъ пѣть голодный?

На вопросъ, о чемъ говорится въ прочтенныхъ стихахъ, ученики отвѣчаютъ: «Говорится о положеніи стрекозы зимою».—Каково это положеніе? — «Положеніе очень скверное: для нея настала нужда, голодъ». — Что же? развѣ она не можетъ пособить горю, добыть кормъ? — «Не можетъ: поле помертвѣло, и нѣтъ ужъ того, чѣмъ она питалась».—Какъ называется такое

¹⁾ Есть мнѣніе, что басни не пригодны для дѣтскаго возраста, потому что сатира не доступна дѣтямъ, и потому, что мораль баснописца не всегда нравственна. Конечно, не всѣ басни доступны дѣтскому возрасту; но нѣкоторыя могутъ быть поняты безъ особаго затрудненія. Такія басни и нужно выбирать при обученіи дѣтей. Что же касается морали, выводимой баснописцемъ, то она ни для кого не обязательна, и ничто не мѣшаетъ разсматривать фактъ, приводимый въ баснѣ, съ другой точки зрѣнія, чѣмъ баснописецъ.

положеніе, когда и помочь нельзя?—«Безпомощнымъ».—Кто же виновать, что стрекоза попала въ такое положеніе?—«Она сама». —Какъ же она могла бы избѣгнуть этой бѣды?—«Надо было запасться кормомъ съ лѣта».—А почему она не сдѣлала этого, по лѣности или по недостатку силы?—«Нѣтъ, а потому, что не подумала объ этомъ: все веселилась».—Какъ мы называемъ тѣхъ, которые не заботятся, не пекутся о будущемъ?—«Беззаботными, безпечными».—Теперь отвѣчайте полнымъ отвѣтомъ на мой вопросъ: почему стрекоза попала въ бѣду? — «Стрекоза попала въ бѣду потому, что все лѣто провела безпечно и не думала о зимѣ».—Что обыкновенно дѣлаютъ тѣ, которые попадаютъ въ такое безпомощное состояніе?—«Плачутъ. Ищутъ помощи другихъ».

Читайте далѣе: Злой тоской удручена,

Къ муравью ползеть она:

—«Не оставь меня, кумъ милый!

Дай ты мнѣ собраться съ силой,

И до вешнихъ только дней

Прокорми и обогрѣй!»

— Почему Стрекоза ползеть къ муравью? Что мы знаемъ о муравьѣ? — «Муравей трудолюбивъ: онъ постоянно таскаетъ зерна въ свою норку». — Для чего онъ это дѣлаетъ? — «Онъ запасается на зиму». — Какъ называются тѣ, которые запасаются въ время, смотрятъ впередъ? — «Запасливыми, предусмотрительными».—Скажите, какіе же признаки мы можемъ замѣтить въ муравьѣ? — «Онъ трудолюбивъ, предусмотрителенъ и запасливъ».—Что же отвѣчаетъ муравей?

Читайте далѣе: —«Кумушка, мнѣ странно это:

Да работала-ль ты въ лѣто?»

Говорить ей муравей.

— Почему муравью кажется странною просьба стрекозы?— «Потому что ему не приходилось быть въ такомъ положеніи, какъ стрекоза».—Что же отвѣчаетъ стрекоза?

Читайте далѣе: —«До того-ль, голубчикъ, было?

Въ мягкихъ муравахъ у насъ,

Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,

Такъ что голову вкружило».

— Что изъ этихъ словъ мы видимъ? Раскаивается ли стрекоза въ своей безпечности? — «Нѣтъ: она говоритъ, что ей не до труда было; удовольствіе ей вскружило голову».

Читайте далѣе: — «А такъ ты...» — «Я безъ души

Лѣто цѣлое все пѣла».

— «Ты все пѣла?—это дѣло:

Такъ поди же, попляши!»

— Что мы замѣчаемъ въ отвѣтѣ муравья?—«Онъ отвѣчаетъ съ насмѣшкой; поди же, попляши?»—Каково теперь положеніе стрекозы?—«Положеніе ужасное: сама себѣ не можетъ помочь, а другіе не хотятъ».—И это ужасное положеніе произошло отчего?—«Отъ безпечности».—Какую, стало быть, мысль можно вывести изъ этой басни?—«Безпечность всегда приводитъ къ гибели».—Кто можетъ поправить? это не совсѣмъ вѣрно.—«Лучше сказать: безпечность часто ведетъ къ гибели».—Почему же это будетъ лучше?—«Потому, что иной разъ и помогаютъ: «свѣтъ не безъ добрыхъ людей».— Кто, по вашему мнѣнію, лучше: стрекоза или муравей въ этой баснѣ? — «Муравей».—Что жъ, онъ вполнѣ хорошъ? — «Нѣтъ, онъ не добръ, не пожалѣлъ стрекозы, не помогъ ей, даже посмѣялся надъ ней».—Да развѣ стоило ей помогать, когда она безпечна, сама вѣдь виновата? На этотъ вопросъ одинъ изъ учениковъ отвѣтилъ: «Сама-то, сама, да все-таки жаль, и будь муравей добрый, онъ бы помогъ ей».

Этотъ урокъ мы записали на память, пропуская, конечно, неправильные отвѣты, поправки ихъ, словомъ всю черновую работу. Подобные разборы должны быть свободною бесѣдою учителя со своими учениками, и заготовливать впередъ вопросы, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, съ тѣмъ, чтобы провести во что бы то ни стало выработанную заранѣе программу, значить лишать урокъ характера живой бесѣды. Учитель только долженъ знать хорошо то произведеніе, какое намѣренъ изучать съ дѣтьми, да долженъ уметь говорить съ ними — вотъ два необходимыя условія успѣха дѣла ¹⁾.

¹⁾ Съ этимъ мнѣніемъ покойнаго педагога мы не можемъ вполнѣ согласиться: такъ дѣйствовать могутъ лишь исключительно даровитые учителя, какимъ и былъ В. Д.; преподаватель же со средними способностями и малоопытный можетъ стать втушникъ во время урока, если вопросы у него не заготовлены предварительно, и не придана имъ заранѣе удобопонятная для ученика форма.

Разбирая легкія по содержанію басни, мы иной разъ предлагали ученикамъ припомнить или придумать такой случай изъ жизни домашней или школьной, который соотвѣтствовалъ бы смыслу разобранной басни. Дѣти обыкновенно очень охотно брались за рѣшеніе этой задачи. Случались очень дѣльные сопоставленія, хотя были, конечно, и отвѣты очень наивные. Но кто боится наивныхъ отвѣтовъ со стороны дѣтей, тому лучше и не браться за обученіе ихъ.

Въ нашей замѣткѣ мы не имѣли въ виду другихъ упражненій по языку: письменныхъ работъ, грамматики и пр. Мы хотѣли только указать на болѣе пригодныя средства для развитія дара слова, и повторяемъ, что, по нашему крайнему убѣжденію, этимъ упражненіямъ въ младшихъ классахъ надо отвести по возможности больше мѣста. Начинать прямо обучать грамматикѣ, въ какомъ бы упрощенномъ видѣ это ни производилось, томить дѣтей безконечными диктовками, переписываніями съ книги, и воображать, что это—обученіе родному языку,—большая наивность. Къ сожалѣнію, встрѣчается она сплошь да рядомъ въ нашихъ школахъ. Съ самаго младшаго класса вплоть до старшаго разбираютъ синтаксически, этимологически, склоняютъ, спрягаютъ и устно, и все это еще въ разныхъ видахъ пишутъ, пишутъ, пишутъ... А въ концѣ концовъ даже въ старшемъ классѣ странички не напишутъ сносно, а все выходитъ какъ-то скучно, вяло, безжизненно.

Дайте же дѣтямъ хоть немного подышать чистой поэзіей, доступной для нихъ; не душите ихъ только статейками, нарочно и хитроумно придуманными разными составителями хрестоматій для растягиванія во всѣ стороны мыслительной способности дѣтей. Дайте и имъ пожить хоть немного тою жизнью, какою жилъ и живетъ народъ, полепетать тою рѣчью, которая создана людомъ, не учившимся въ школѣ въ теченіе семи лѣтъ ни спряженіямъ, ни склоненіямъ. Пусть дѣти, а потомъ и юношество побудутъ побольше въ чарующемъ мірѣ поэзіи, и вы увидите, что у нихъ тогда найдется о чемъ говорить, и заговорятъ они живымъ словомъ...